

СОЦИОПОГИЯ

Гульнара Фатыховна РОМАШКИНА¹

Марина Владимировна ХУДЯКОВА²

УДК 662.5

ВОСПРИЯТИЕ КРИЗИСА: ОПЫТ ПАНДЕМИИ COVID-2019*

¹ доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

² кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Аннотация

Исследовательская *цель данной статьи* — выявить влияние кризисных явлений, связанных с пандемией, на оценку людьми текущего и будущего периодов их жизни. *Научная новизна* обусловлена получением уникальных эмпирических данных для характеристики современных тенденций изменения социального оптимизма в обществе (на примере населения Тюменской области), понимания того, как люди реагировали на процессы, связанные с пандемией.

Эмпирической базой послужили результаты социокультурного мониторинга в Тюменской области в период с 2006 по 2021 г. Выборки стратифицированные, случайные

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-04-60524.

Цитирование: Ромашкина Г. Ф. Восприятие кризиса: опыт пандемии COVID-2019 / Г. Ф. Ромашкина, М. В. Худякова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 8-26.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

внутри квот по половозрастной структуре и территории проживания, репрезентирующие население Тюменской области. Изучались основные социально-демографические характеристики, компоненты социального оптимизма: оценки ближайшего года по сравнению с предыдущим, ближайшего и отдаленного будущего. Показано, что общественное мнение реагирует на кризисные явления в оценках текущего момента, но глубина и продолжительность кризиса проявляется в оценках будущего. За период с 2006 по 2017 г. две трети жителей Тюменской области сохраняли стратегический оптимизм — надежду на то, что в дальнейшем всё будет хорошо, но в последние три года доля стратегических оптимистов снижается. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 для жителей Тюменской области оставались доминирующим паттерном даже весной 2021 г. Среди показателей, статистически устойчиво связанных с ответами на вопросы о последствиях и поведении в период пандемии, отмечены социальный оптимизм (в первую очередь оценки текущего года), возраст, стаж работы, тип поселения. Жители сельских поселений значительно чаще отвечают, что для них ничего не изменилось, и реже, чем горожане, указывают на снижение дохода или заработка. Существенные отличия проходят по оси «оптимизм — пессимизм». Оптимисты выбирают проактивную стратегию поведения, опираясь на свои силы; они в два раза реже теряют в доходе или лишаются работы, берутся за дополнительную работу. Пессимисты ожидают ухудшения своей жизни и в дальнейшем. Исследование показало, что в группе оптимистов существенно реже встречаются те, кто столкнулся с COVID-19 лично, болел сам или видел, как болеют близкие. Среди этих респондентов резко снижается частота ответов, характеризующих стратегию деятельностно-достижительного типа. Остается неочевидной направленность связи, поскольку необходимы дополнительные исследования качественного типа.

Ключевые слова

COVID-19, пандемия, социум, общественное мнение, социальный оптимизм, кризис, социально-экономические последствия.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

Введение

Начиная с конца 2019 г. в мире не прекращается череда социальных кризисов и потрясений. Появление и распространение по планете COVID-19 ознаменовало переход к новой нормальности. Вначале не было общего понимания, что же в реальности происходит. Многие государства, международные организации реагировали ситуативно, процессы происходили и оценивались неоднозначно. С течением времени в кризис вовлекалось всё большее количество простых людей и экономических акторов, международные организации, страны и континенты. Анализируя процесс распространения пандемии, следует отметить его взрывной характер. В январе 2020 г. более 100 заболевших было зарегистрировано только в Китае (2 877 заболевших и 82 смерти на 27 января 2020 г.). Уже через месяц в Китае подтверждено 77 241 случай заболевания COVID-19 и 2 595 смертей,

в Италии — 229 и 7, в Южной Корее — 833 и 8 соответственно [24]. К концу марта, по данным Университета Хопкинса, список стран с более чем 100 зарегистрированными случаями COVID-19 включал уже 190 государств, в том числе и Россию, где было зарегистрировано 1 836 случаев заболевания и 9 смертей [23].

Историю действий официальных органов в условиях разрастающегося кризиса можно проследить по данным официальных сайтов. Например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предупредила мир об опасности в заявлении от 09 января 2020 г. в разделе «Новости о вспышках болезней» в Ухане, провинция Хубэй, КНР, не понимая глобального характера эпидемии. Необходимые рекомендации для стран — участников ВОЗ появились в конце февраля 2020 г. Сложившаяся ситуация официально была признана пандемией практически во всём мире 11 марта 2020 г. В том же месяце ВОЗ публикует глобальную дорожную карту по научным исследованиям нового коронавируса, программу оперативного реагирования и первую группу рекомендаций по прекращению, сдерживанию, локализации, замедлению распространения вируса и уменьшению его негативных воздействий. По данным ВОЗ, на 27 апреля 2020 г. в мире официально зарегистрировано 3 043 021 случай заболевания и 221 066 смертей, в том числе в России 81 147 и 794 соответственно [19].

В первую очередь удар пришелся на национальные системы здравоохранения. Как ни странно, особенно остро потрясение ощутили жители развитых стран, которые привыкли к определенному уровню комфорта. Так, в Италии взрывной характер пандемии и неподготовленность системы здравоохранения привели к огромным потерям среди населения, которых, скорее всего, можно было бы избежать. Другие страны подготовили свои медицинские учреждения не ранее чем к лету 2020 г., что вызвало определенную панику среди населения. Практически все страны Европы и США выбрали путь введения общенациональных локдаунов, различных экономических и социальных ограничений, массовой поддержки жителей. Страны Юго-Восточной Азии, и в первую очередь Китай, ввели чрезвычайно сильные ограничения, поддерживаемые большинством населения, и смогли быстро ограничить очаги распространения вируса. Необходимо отметить, что население этих стран уже имело печальный опыт действий в условиях сильных эпидемий (например, так называемые китайский и гонконгский грипп). Например, в Китае максимальные темпы заражений и смертей наблюдались в феврале-марте 2020 г., далее они снижались. Вторая волна распространения вируса была более чем в 3 раза ниже, чем первая, и остановлена к январю 2021 г. В Южной Корее общее число случаев заболевания превысило 5,8 млн, общая смертность составила более 6 млн человек, по данным на 11 марта 2022 г., но темпы прироста смертности были существенно снижены после вспышки июля 2021 г. [24]. Мы видим, как близкие географически и по плотности населения страны по-разному реагируют на процессы, связанные с пандемией. Среди одной из доминирующих версий причин такой разницы — преимущество авторитарного управления перед демократическими режимами по оперативности и жесткости принимаемых ограничительных мер.

Что же в это время происходило в России? Прежде всего принят комплекс мер ограничительного характера: 25 марта 2020 г. вышел Указ Президента РФ № 206 «Об объявлении в РФ нерабочих дней с 30.03 по 03.04.2020» [11]; впоследствии было принято несколько подобных указов, введены ограничения на общественном транспорте, например [8], мораторий на банкротство и прочее. Среди социальных мер отметим уголовное преследование за распространение фейков и массовое заражение [18], ограничения на передвижения в крупных городах, в первую очередь для граждан 60+. Разработан существенный пакет мер поддержки бизнеса и семей: определены перечни экономических агентов, имеющих право на адресную поддержку, налоговые отсрочки, кредитные каникулы; материальная поддержка семьям с детьми и прочие меры адресного характера.

В мире отмечено 3-5 крупных волн эпидемии, вызванных сезонным фактором и тремя утвердившимися в популяции штаммами вируса, в числе которых первоначальный «уханьский», так называемый Дельта, — гораздо более вирулентный и смертоносный, чем первый, и Омикрон, который сегодня считается ослабленным по сравнению с двумя предыдущими. Анализ статистики заболеваемости и смертности показывает, что ни одна крупная страна мира не миновала этих волн. Но сроки наступления соответствующих вспышек, их мощность, продолжительность и смертоносность сильно вариабельны. В РФ можно отметить пять локальных вспышек: до мая 2020 г., декабрь 2020 г., июль и ноябрь 2021 г., февраль 2022 г. Эти волны также связывают с сезонным фактором и с тремя видами штаммов. Общее число случаев заболеваний в России, по данным на 11 марта 2022 г., составило 17 242 043 человек, общая смертность — 352 437 человек [23].

Наша задача не сводится к анализу периодов и статистики заболеваемости, мы пытаемся рассмотреть, как люди реагировали на процессы, связанные с пандемией. В числе самых существенных социальных проблем, связанных с восприятием пандемии в РФ, был массовый отказ от вакцинирования [16], недоверие к вакцинам и системе здравоохранения в целом, приведшие к критически низким темпам вакцинирования и росту заболеваемости летом-осенью 2021 г.

Обзор научных и информационных источников

Исследовательский интерес к вопросам социального самочувствия населения, восприятия им изменений окружающей социально-экономической среды, оценки будущих перспектив жизни постоянно находится в фокусе внимания социологов. При этом выбор показателей для анализа и способы их расчета определяются в зависимости от целей конкретных исследований [2]. Среди индикаторов социального самочувствия применяют оценки удовлетворенности жизнью [3], своей работой [13], состоянием здоровья [20], ощущения собственной безопасности [12].

Периодически возникающие кризисы отражаются на уровне социального самочувствия граждан, и эта проблематика не остается без внимания исследователей. Примером тому является социологический мегапроект, эмпирической базой которого стали пять «волн» общенациональных исследований, проведенных в режиме мониторинга в период 2014-2016 гг.; его результаты представлены

в многотомнике ИС РАН под редакцией Н. К. Горшкова. Авторами отмечено, что в кризисные годы усиливается разрыв между социальными группами: улучшение уровня и качества жизни отмечают материально благополучные слои населения, а нижние слои всё более погружаются в бедность. При этом уровень оптимизма населения улучшался на протяжении всего периода исследования [10].

Период пандемии COVID-19 ознаменовал новый этап развития человечества. Учеными и специалистами ведущих университетов и научных центров на сегодняшний день представлен ряд комплексных исследований и проанализированы наиболее актуальные проблемы, вставшие перед здравоохранением и образованием, социальной и экономической политикой, системой государственного управления в связи с пандемией коронавирусной инфекции [например, 1, 5].

По мнению ряда исследователей, «последствия пандемии наиболее явно затронули социальные элементы текущей общественной формации» [15, с. 480]. Шоки экономической системы, такие как падение совокупного производства и платежеспособного спроса, увеличение безработицы и социального неравенства, количественно измеримы и понятны. Как отмечает в своих работах американский эксперт Н. Талеб, эпидемиологические факторы не относятся к числу провоцирующих длительную стагнацию [17]. Последствия пандемии для социальной системы, где отсутствовали привычные коммуникации, люди массово сталкивались с изменением своего социального статуса, наблюдалось разрушение социальных атрибутов субъекта и иные социально-культурные и психологические изменения, имеют более тяжелый характер. К переформатированию сознания большинства населения и многократно возрастающим эмоциональным нагрузкам приводит и тот факт, что современное мировое информационно-коммуникационное пространство дает возможность следить за новостями в режиме реального времени [22, с. 150]. По данным проведенных исследований, доминирующие оценки социально-психологического состояния отдельных индивидов находятся в диапазоне «спокойствия — уравновешенности — тревожности». Новые поведенческие практики и ограничения, появившиеся в ходе пандемии, воспринимаются населением дифференцировано и, как правило, в позитивно-нейтральном или негативном ключе [1, с. 104]. Поэтому особую значимость имеет восстановление социального комфорта граждан, снижение уровня социальной напряженности в обществе [15].

Ряд работ посвящен вопросам регулирования социально-экономических процессов в пандемийный период и эффективности их использования. Отмечается, что «практически все без исключения страны в процессе выхода из кризиса отвели ключевую роль именно государству и его структурам, полностью проигнорировав возможности и потенциал существующих рыночных механизмов» [22, с. 149]. Высокий градус социальной напряженности в периоды поиска баланса между коронавирусными ограничениями и обеспечением непрерывности всех экономических и социальных процессов демонстрировали ряд государств. Волны протестных мероприятий проходили в Германии, Франции, Канаде, США и других странах. Но именно государственный аппарат принуждения часто оказывался тем институтом, который в состоянии противодействовать инфекции и защищать интересы граждан [21].

По мнению ученых и экспертов, пандемия выявила целый ряд экономических и социальных проблем, которые еще предстоит тщательно анализировать и решать в будущий период. Среди них обеспечение одновременной работоспособности плановой и оперативной медицины; баланс между необходимостью карантинных ограничений и непрерывностью функционирования социально-экономической сферы жизнедеятельности; приоритетность цифровизации и повышение доступности этих технологий для широких слоев населения при условии обеспечения информационной безопасности; значимость международного сотрудничества для совместного противодействия распространению пандемии. На повестке сегодняшнего дня стоят абсолютно новые задачи, которых ранее не было [5].

Новые реалии меняют социальную картину в части структуры угроз и возможностей, которые люди определяют для себя, оценок своего материального и социально-психологического благополучия. По данным ВЦИОМ, 62% россиян опасаются, что они сами или их близкие могут заболеть коронавирусом [7]; последствия заболевания в виде характерных осложнений ощущают 79% переболевших COVID-19 [6]. Мониторинг социального самочувствия россиян за период 11.2020-08.2021 показывает, что индекс самооценки материального положения снизился на 5%, но индекс удовлетворенности жизнью в целом вырос на 3%, а индекс оптимизма увеличился на 5%, хотя и находится в зоне негативных оценок (-52 в августе 2021 г.) [14].

Таким образом, можно зафиксировать сильную отстраненность жителей России от проблем, связанных с сохранением своего здоровья, разорванность связей между оценками своего материального положения, социальным самочувствием, опасениями, связанными с коронавирусом и готовностью предпринимать активные действия для выхода из зоны дискомфорта. Мы проверим эти гипотезы по данным массовых социологических опросов, проводимых коллективом социологов Тюменского госуниверситета.

Данные и методы

Данные собраны в период 2006-2021 гг. методом массового анкетного опроса по районированным стратифицированным выборкам, репрезентирующим население Тюменской области по полу, возрасту и территории расселения, см. приложение 1. Описание программы исследований и более ранние данные можно найти, например, в [4, с. 67-74; 9]. В выборку полевого этапа 2021 г. отобрано 1 727 человек, из них 46% мужчин и 54% женщин; 33% проживают в сельских населенных пунктах или ПГТ, 16% — в малых или средних городах, 51% — в крупном городе (г. Тюмень); 35% имеют высшее образование; среди возрастных групп тех, кто моложе 31 года, 25%, в группе 31-40 лет — 22%, и далее 41-50 лет — 24%, старше 50 лет — 29%.

Основной вопрос, анализируемый в данной статье, был поставлен в множественной полукоткрытой форме: «Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2020 г. на Вашу жизнь?»; предложены варианты ответа, а также дана возможность указать свой вариант. Ответы можно было давать в произвольной форме, указывая сколько

угодно вариантов, список см. в таблице 2¹. Такой подход позволил провести анализ данных с применением процентных распределений, проверкой нуль-гипотезы и корреляций. Все дополнительные вопросы, привлеченные к анализу, имели либо количественную меру (возраст, количество детей, «Сколько лет Вы работаете в данной сфере?», «Сколько лет Вы работаете в своей организации?»), либо порядковую или дихотомическую. Поэтому для обеспечения сравнимости данных и корректности вычислений применяли критерий Хи-Квадрат Пирсона и корреляции Тау-в Кендалла.

Анализ результатов

Динамика компонентов социального самочувствия жителей Тюменской области, которые были получены в процессе социокультурного мониторинга за период с 2006 по 2021 г., приведена на рис. 1. Компоненты социального оптимизма вычислялись по ответам на вопросы, далее вычислялись соответствующие индексы (описание и метод получения индексов см. в приложении 1 и [4]).

Следует отметить сильную волатильность оценок текущего года по сравнению с прошлым годом. За весь период наблюдений эти оценки достигали минимума в 2009, 2016 гг. При этом оценки ближайшего будущего и оценки будущего в целом сохраняли положительную динамику. Однако глубина осознания кризиса может быть оценена только по совместному «проседанию» оценок текущего года, ближайшего года и уверенности в будущем. Как правило, люди более уверены в своем отдаленном будущем, чем в самой близкой перспективе. Особенность 2021 г. в том, что впервые за период наших наблюдений в Тюменской области средневзвешенная уверенность в будущем показала результат ниже оценок ближайшего года.

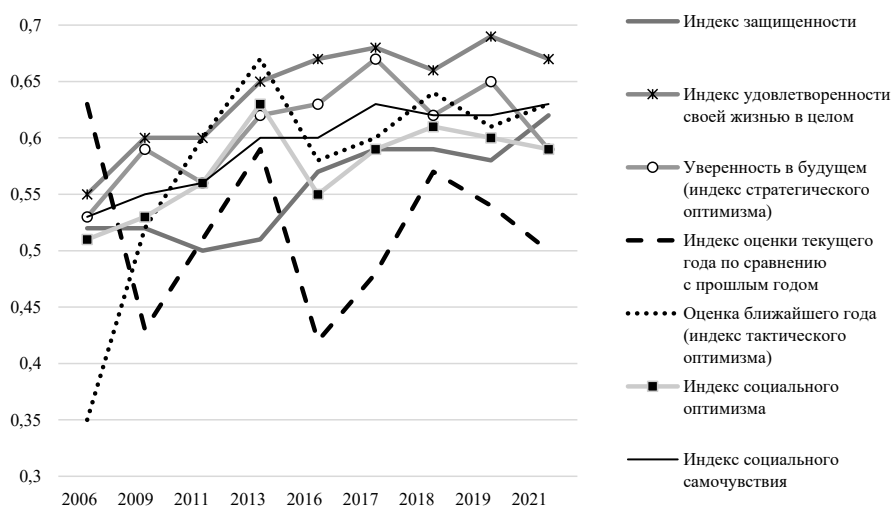

Рис. 1. Динамика составляющих индекса социального оптимизма, 2006-2021 гг.

Fig. 1. Dynamics of the components of the social optimism index, 2006-2021.

¹ При кодировании применялся дихотомический метод, отсутствие ответа соответствует нулю, согласие с вариантом отражено единицей.

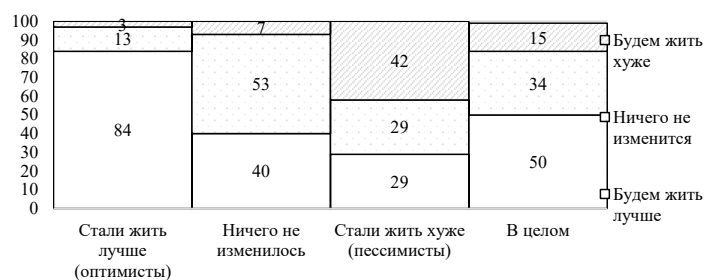

Рис. 2. Связь оценок текущего и ближайшего года, в % по строке, 2021 г. Лучше = значительно лучше + несколько лучше. Хуже = значительно хуже + несколько хуже

Fig. 2. Correlation between evaluation of the current and next year, in % by line, 2021. “Better” implies “Significantly better” and “Somewhat better”. “Worse” — “Significantly worse” and “Somewhat worse”

Последние три года (2019-2021 гг.) оценки текущего года по сравнению с прошлым постоянно снижаются, при этом они оставались в зоне общих позитивных оценок, см. рис. 1. Так, в 2021 г. оценивали свою жизнь хуже, чем в прошлом, 26% опрошенных (пессимисты); 44% считают, что в их жизни ничего не изменилось; 23% от числа опрошенных считают, что их жизнь в текущем году улучшилась (оптимисты), и 7% затруднились с ответом. Однако ожидали дальнейшего ухудшения своей жизни только 15% от всей выборки. Среди пессимистов ожидают дальнейшего ухудшения в следующем году 42%, тогда как среди оптимистов таковых оказалось 3%, см. рис. 2. Напротив, оптимисты ожидают дальнейшего улучшения своей жизни в 84% случаев. То есть в 2021 г., несмотря на бушующую во всем мире пандемию, подавляющее большинство жителей региона продолжало надеяться на улучшение своей жизни, если и не в ближайшем году, то в более отдаленном будущем. Судя по оценкам тактического оптимизма, весной 2021 г. люди не ощущали текущий кризис как затяжной и глубокий, в отличие от 2009 и 2016 гг. Однако стратегический оптимизм, проявляющийся в уверенности в будущем, оставаясь в целом позитивным для половины жителей региона, впервые за исследуемый период наметил тенденцию к снижению.

За прошедшие время с момента начала пандемии в России люди ощутили на себе основные кризисные проявления. Рассмотрим ответы респондентов о влиянии на их жизнь кризиса 2020 г. Ответ «ничего не изменилось» дали 47% от общего числа опрошенных, и это наиболее часто встречающийся ответ (таблица 1). Особенно остро социальная инерция проявляется в сельских территориях, где более половины опрошенных (54%) указали на отсутствие каких-либо перемен. Социальные оптимисты продолжали оценивать текущие изменения как временные, и только те, кто ощутил на себе прямые отрицательные последствия, дают более негативные прогнозы. Изменения в своей жизни в виде экономических последствий отметили примерно треть опрошенных: «потерял в заработке, доходах» (17%), «пришлось взяться за дополнительную работу» (9%), «столкнулся

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, как повлиял кризис 2020 г. на Вашу жизнь?», в % от числа опрошенных по столбцу⁽¹⁾

Table 1

Distribution of answers to the question "Could you please tell us how the crisis of 2020 affected your life?", in % of the number of respondents by column⁽¹⁾

Ранг ⁽²⁾	Вариант ответа	Поселение				Оценки текущего года ⁽³⁾		
		Деревня, село, поселок	Малый и средний город	Крупный город (от 500 тыс.)	В целом	Пессимисты	Оптимисты	В целом
1	Ничего не изменилось	54	49	41	47	48	42	46
2	Потерял в зароботке, доходах	17	22	16	17	20	12	18
3	Узнал новое для себя, научился чему-то новому	9	12	19	14	12	24	15
4	Заболел, у меня ухудшилось здоровье	9	9	14	12	13	8	12
5	Пришлось взяться за дополнительную работу	9	10	9	9	7	16	9
6	Нашел новые возможности	6	6	12	9	9	10	9
7	Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат	6	8	10	8	7	10	8
8	Оказался без работы и заработка	5	6	6	6	7	3	6
9	Я потерял близких людей из-за эпидемии COVID-2019	5	6	5	5	6	3	5
10	Сумел повысить свою квалификацию, стал больше зарабатывать	3	4	4	4	3	7	4
11	Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу	3	2	2	2	3	2	2
12	Нашел другую, лучше оплачиваемую работу	2	1	3	2	1	6	2
13	Другое	1	2	1	1	100	100	100
	<i>Итого</i>	100	100	100	100	48	42	46

⁽¹⁾ Вопрос допускал более 1 варианта ответа. ⁽²⁾ Ранг выстроен согласно доле ответов в последнем столбце таблицы 1. ⁽³⁾ Пессимисты и оптимисты разделены согласно оценкам текущего года, вопрос 3 приложения 1.

⁽¹⁾ More than one answer is possible. ⁽²⁾ This ranking is based on the share of the answers from the last column of Table 1. ⁽³⁾ Pessimists and optimists are divided according to the evaluation of the current year, Question 3 from Appendix 1.

с задержками заработной платы, социальных выплат» (8%). Отметим, что указанные следствия более характерны для городских жителей. Самые тяжелые варианты ответа опрошенных: «заболел, у меня ухудшилось здоровье» (12%), «потерял близких людей из-за эпидемии COVID-2019» (5%).

Часть респондентов отметили и позитивные последствия, и чаще это жители крупного города. Так, каждый седьмой житель региона (14% от числа опрошенных) «узнал новое для себя, научился чему-то новому» (среди жителей Тюмени таковых 19%); 9% указали, что «нашли новые возможности» (среди жителей Тюмени таковых 12%); еще 4% выбрали вариант ответа «сумел повысить свою квалификацию, стал больше зарабатывать» (для сельских жителей этот результат несколько ниже — 3%).

Мы допускаем, что в большой степени люди предпочитают давать социально-ожидаемые результаты, корректируя свои ответы в сторону позитивной повестки. Однако структура ответов отражает общественное мнение достаточно объективно. Важно отметить, что доминируют два главных направления: «ничего не изменилось» и экономические последствия, отразившиеся преимущественно в виде потерь в доходе. Три варианта: «узнал новое для себя, научился чему-то новому», «нашел новые возможности», «нашел другую, лучше оплачиваемую работу» — указывают на выбор частью жителей Тюменской области деятельностной стратегии преодоления кризиса. И это именно те варианты, которые резко повышают свою частоту в группе оптимистов по оценкам текущего года в сравнении с прошлым периодом. Разделение выборки на группы оптимистов и пессимистов по оценкам текущего года показало, что, в первую очередь, негативные оценки связаны с потерями в доходах (20% среди оптимистов против 12% среди пессимистов), см. три последние столбца таблицы 1. Отметим ухудшение здоровья 13% пессимистов и 8% оптимистов. Оптимисты в два раза чаще указали, что они узнали для себя что-то новое; предпочитали взяться за дополнительную работу, повышали квалификацию чаще более чем в два раза, чем пессимисты.

Взаимосвязь основного вопроса, анализируемого в данной статье, с социально-демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст, семейное положение, количество детей), статусом по основному месту работы (стаж работы в организации, наличие подчиненных, наличие дополнительной занятости), а также с их оценками текущего года по сравнению с прошлым периодом показана в таблице 2. Некоторые выводы можно сформулировать, изучая корреляции (Tau-b Кендалла), которые, с учетом дихотомической размерности целевой переменной, возможно интерпретировать как вероятность повышения (или понижения) результатов соответствующего ответа на вопрос. Учтем, что вариант «нет» имел кодировку «0», а «да» кодировался как «1». Например, различия между городскими и сельскими жителями проявляются в ответах «ничего не изменилось» (назовем «нейтральной оценкой»), которая резко возрастает в селах; «узнал что-то новое, нашел новые возможности» и «заболел» возрастает в крупном городе, что также подтверждается данными, представленными в таблице 1 выше.

Table 2
Correlations of Kendall's Tau-b with the answer options to the question "Could you please tell us how the crisis of 2020 affected your life?"

Ранг ⁽¹⁾	Тип поселения	Сколько Вам полных лет	Ваш пол	Ваше семейное положение	Сколько у Вас детей?	Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?	Сколько лет Вы работаете в данной сфере?	Сколько лет Вы работаете в своей организации?	Имеете ли Вы на ос-новной работе подчиненных?	Есть ли у Вас дополнительная занятость в настоящее время?
1	-,103**	,107**	0,008	-,061**	,069**	-,078**	,099**	,116**	0,027	,106**
2	-0,016	-0,019	-0,015	-0,026	0,018	,142**	0,027	0,003	-0,035	-0,045
3	,121**	-,154**	,070**	,060**	-,110**	-,114**	-,099**	-,062*	0,041	-,117**
4	,073**	,098**	0,035	0,018	-0,003	,102**	,055*	0,022	0,016	0,001
5	,089**	-,161**	-0,011	0,042	-,105**	-,116**	-,099**	-,095**	,072**	-,123**
6	0,011	-0,032	-0,007	0,035	-0,011	0,024	-,055*	-0,039	-,063*	-,196**
7	,063**	-0,020	0,041	-0,015	-0,011	-0,022	-0,008	0,009	0,019	0,022
8	0,009	-0,017	-0,018	,066**	-0,023	,075**	-,114**	-,134**	-0,021	0,049
9	-0,002	,042*	0,014	-0,001	0,036	,079**	-0,003	0,020	-0,027	-0,002
10	0,026	-,070**	0,002	-0,022	-0,034	-,098**	-,063*	-,062*	,064*	-,081**
Всего ⁽²⁾	1 727	1 724	1 706	1 719	1 703	1 715	1 025	1 126	1 204	1 192

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). ⁽¹⁾ Кодировка ответов совпадает с рангом в таблице 1. ⁽²⁾ Всего человек (количество).

Варианты, собравшие менее 3% от выборки, не приведены, поскольку не гарантирована ошибка второго рода.

* Correlation is significant at the level of 0.05 (two-way). ** Correlation is significant at the level of 0.01 (two-way). ⁽¹⁾ The number of each answer is from Table 1. ⁽²⁾ Total number of people. Answers constituent less than 3 % of the sample are not included as 2 gen error is not guaranteed

Гендерные различия значимы только в ответах «узнал новое для себя, научился чему-то новому»: женщины (17%) немного чаще, чем мужчины (12%), выбрали данный ответ. Возраст респондента повышает вероятность положительного ответа «ничего не изменилось», «заболел, у меня ухудшилось здоровье», что вполне объяснимо. Люди, имеющие семью и более двух детей, существенно реже дают нейтральные оценки, но чаще выбирают деятельностную стратегию. Чаще, чем в среднем по выборке, отвечают «ничего не изменилось» люди, имеющие большой стаж трудовой деятельности и дополнительную занятость. Мы видим, что наличие в прошлом дополнительной занятости снижает вероятность выбора деятельностной стратегии преодоления кризиса. В наибольшей степени изучаемый вопрос оказался связан с оценками текущего года по сравнению с прошлым периодом: практически все варианты (кроме шестого и седьмого, согласно нумерации таблицы 1) оказались тесно связаны с ним, что мы увидели по данным таблиц 1 и 2.

Выводы

Основные выводы можно сгруппировать в три взаимосвязанных блока. Во-первых, восприятие кризисных явлений отражается на том, как люди оценивают не только текущий период, но и том, чего они ожидают от ближайшего и отдаленного будущего. В период 2006-2019 гг., согласно нашим данным, наблюдалось два сильных провала — в 2009 и в 2016 гг. Эти сильные кризисы имеют V-образную конфигурацию, когда сильно снижаются оценки текущего года по сравнению с прошлым периодом, оценки ближайшего остаются высокими, а уверенность в будущем возрастает. После 2019 г. произошли изменения в структуре оценок: темпы снижения более плавные, при этом люди ожидали, что в ближайшем будущем всё поправится; не ощутив улучшения в ближайший год, оценки текущего года еще более снижаются. Впервые за исследуемый период начинает снижаться уверенность в будущем, тогда как оценки текущего года снижались значительно менее волатильно, чем в два предыдущих кризиса. Считают, что для них ничего не изменилось, примерно половина жителей региона, четверть отметили ухудшение, и еще четверть — улучшение по сравнению с прошлым годом. Тем не менее в 2021 г. половина жителей региона в той или иной степени уверены в своем будущем, четверть сомневаются, и еще четверть не уверены. Ожидали улучшения в ближайший год половина опрошенных, четверть не ожидали изменений, и еще четверть ожидали ухудшения.

Во-вторых, ответы на прямой вопрос о влиянии на жизнь кризиса 2020 г. отражают установки на стабильность почти для половины опрошенных (46% — «ничего не изменилось») и потери в уровне жизни для остальных (практически все остальные). Значительно отстают оценки, связанные с деятельностной стратегией преодоления кризиса и снижением здоровья. Деятельностную стратегию выбрали около четверти респондентов; ответили, что болели и их здоровье ухудшилось, 12% от числа опрошенных, еще 5% жителей региона потеряли своих близких в период пандемии. Более детальный анализ показал, что основные различия в восприятии социально-экономических последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19, и собственных выбранных стратегий проходит по оси

«оптимизм — пессимизм». Однако статистический анализ не позволяет раскрыть направленность влияния.

В-третьих, массовые опросы как инструмент измерения «общей температуры» общественного мнения очень важны, они достаточно четко и оперативно отражают характер изменений, основные проблемы и важные взаимосвязи. Одновременно наши результаты подтверждают противоречивость и фрагментарность массового сознания, особенно в кризисные периоды. Поэтому причинно-следственные связи и сущность происходивших изменений необходимо изучать другими, качественными методами. Именно в этом направлении мы и планируем дальнейшие исследования.

Приложение 1

**Объем выборок данных,
кол. человек**

Appendix 1

**Volume of data samples, in number
of people**

Годы	2006	2009	2011	2013	2016	2017	2018	2019	2021
Кол-во человек	1 715	1 560	1 271	2 335	1 422	1 640	1 610	1 642	1 721

Для анализа привлекаются результаты социокультурного мониторинга в Тюменской области, проведенные в период 2006–2021 гг. Выборки квотные репрезентативные по территории и половозрастной структуре, со случайным отбором внутри групп с контролем по уровню образования респондента.

Вопросы мониторинга, привлекаемые к анализу.

Ответы на вопросы № 1-3 кодировались в пятичленной порядковой шкале.

1. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

Ответы: совершенно не уверен (0), вполне уверен (уверена) (1) (уверенность в будущем)

2. Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?

Ответы: значительно хуже (0), значительно лучше (1) (оценка ближайшего года)

3. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

Ответы: намного хуже (0), намного лучше (1) (стали жить лучше/хуже по сравнению с прошлым годом).

Индексы вычислялись по формуле средневзвешенного таким образом, чтобы 0 соответствовал минимуму, а 1 — максимуму для всех опрошенных.

4. Дополнительные вопросы: возраст респондента (кол-во лет), его пол, семейное положение (одиноким; живут вместе, но не в браке; женат), количество детей, стаж работы в данной организации, наличие подчиненных по основному месту работы, наличие дополнительной занятости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики) / ФНИСЦ РАН. М., 2021. № 2. 109 с. DOI: 10.19181/INAB.2021.2
2. Кученкова А. В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения / А. В. Кученкова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-i-subektivnoe-blagopoluchie-sootnoshenie-ponyatiy-i-sposobov-izmereniya> (дата обращения: 02.03.2022).
3. Латова Н. В. Динамика и факторы удовлетворенности жизнью россиян (1997-2017) / Н. В. Латова // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 65-78. DOI: 10.7868/S0132162517120078
4. Новая индустриализация: возможности, ограничения и противоречия социокультурного пространства: монография / науч. ред.: В. А. Давыденко, Г. Ф. Ромашкина. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2018. 226 с. URL: <http://www.duma72.ru/upload/iblock/7f3/novindustrreg.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
5. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / глав. ред. В. А. Мау; Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М., 2020. 744 с.
6. Постковид: страдаем, но не лечимся. Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2022. 17 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postkovid-stradaem-no-ne-lechimsja> (дата обращения: 13.03.2022).
7. «Пятая волна» и как с ней бороться? Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2022. 21 января. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pjataja-volna-i-kak-s-nei-borotsja> (дата обращения: 13.03.2022).
8. Распоряжение Правительства РФ от 27.03.2020 № 763-р (ред. от 02.12.2021) «О временном ограничении движения через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748/ (дата обращения: 01.03.2022).
9. Ромашкина Г. Ф. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала / Г. Ф. Ромашкина, М. В. Худякова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Том 13. № 6. С. 232-251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14
10. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
11. Сводная таблица нормативно-правовых актов, принятых в связи с пандемией коронавируса // Юридическое агентство ЮС КОГЕНС: оф. сайт. URL: <https://jus-cogens.ru/novosti/svodnaja-tablica-normativno-pravovyh-aktov-prinjatyh-v-svjazi-s-pandemiej-koronavirusa/> (дата обращения: 09.02.2022).
12. Симонович Н. Е. Экономическая и социально-психологическая безопасность современного общества / Н. Е. Симонович, И. А. Киселева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Том 9. № 45 (234). С. 53-57.

13. Соболева И. В. Социальное самочувствие предпринимателей и наемных работников в малом бизнесе / И. В. Соболева // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 57-69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7
14. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. Аналитический обзор // ВЦИОМ: оф. сайт. 2021. 28 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 13.03.2022).
15. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 в России / Н. С. Павлова, А. А. Нурутдинов, Е. З. Зилькарнаева, Н. Р. Абрамов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 480-481. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-4-155-480-481
16. Статистика вакцинации от коронавируса в России и мире // Коронавирус: информационный портал. URL: <https://coronavirus-control.ru/statistika-vakczinaczii/> (дата обращения: 11.03.2022).
17. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина и др. М.: КоЛибри, 2012. 525 с.
18. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349082/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 01.03.2022).
19. Хронология действий ВОЗ по борьбе с COVID-19 // Глобальный веб-сайт. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения: 10.03.2022).
20. Шклярчук В. Я. Сохранение здоровья как фактора социального самочувствия производственного персонала / В. Я. Шклярчук // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 139-141.
21. Шлычков В. В. «Ручное управление» как проявление институционального кризиса и деформации существующей модели российской экономики / В. В. Шлычков // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4. С. 144-149.
22. Шлычков В. В. «Коронакризис» COVID-2019 как источник новых вызовов и катализатор мировых социально-экономических процессов / В. В. Шлычков, П. А. Батайкин, Д. Р. Нестулаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2 (54). С. 148-158. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.2.148-158
23. COVID-19. Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) / Johns Hopkins University (JHU). URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (дата обращения: 05.03.2022).
24. Novel Coronavirus (COVID-19) Cases, provided by JHU CSSE // COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19> (дата обращения: 10.03.2022).

Gulnara F. ROMASHKINA¹
Marina V. KHUDYAKOVA²

UDC 662.5

**PERCEPTION OF THE CRISIS: THE EXPERIENCE
OF THE COVID-2019 PANDEMIC***

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen
g.f.romashkina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7764-5566

² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.v.khudyakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5280-2935

Abstract

Research purpose of this article is to identify the impact of the crisis phenomena associated with the pandemic on people's evaluation of the current and future periods of their lives. *The scientific novelty* is due to the receipt of unique empirical data to characterize the current trends in social optimism in society (using the example of the population of the Tyumen Region) and in understanding of how people reacted to the processes associated with the pandemic.

The empirical base consists of the results of sociocultural monitoring in the Tyumen Region for the period from 2006 to 2021. The research sampling is stratified, random within quotas based on sex and age structure and territory that represent the population of the Tyumen region. The authors studied the main socio-demographic characteristics — components of social optimism: comparison of the results of the current year with the previous one, and

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-04-60524.

Citation: Romashkina G. F., Khudyakova M. V. 2022. "Perception of the crisis: the experience of the COVID-19 pandemic". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 1 (29), pp. 8-26.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

the evaluation of the near and distant future. The article demonstrates that public opinion reacts to crisis phenomena in the evaluation of the present moment, but the depth and duration of the crisis influence the evaluation of the future. Over the period from 2006 to 2017, two-thirds of residents of the Tyumen Region maintained strategic optimism — the hope that everything would be fine in the future, but in the last three years their share began to decline. The socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic remained the dominant pattern for the residents of the Tyumen Region even in the spring of 2021. Indicators that are statistically consistently related to the perception of consequences and behavior during the pandemic are associated with social optimism (primarily in the evaluation of the current year), age, work experience, type of settlement. When compared with urban residents, rural residents answer that nothing has changed in their lives much more often, they also note the decrease in income and earnings more rarely. But the most significant differences take place on the optimism/pessimism axis. Optimists choose a proactive strategy, rely on their own capabilities; they are twice as less likely to lose their jobs, experience a decrease in income and earnings; they take on additional work more than twice as often. Meanwhile, pessimists expect further deterioration of their lives. The study showed that people who have been ill or whose relatives have been ill during the pandemic, are significantly less likely to be in the group of optimists. Among them, the frequency of responses of the active-achievement type decreases sharply. The direction of the revealed connection remains unclear since qualitative research is needed.

Keywords

COVID-19, pandemic, society, public opinion, social optimism, crisis, socio-economic consequences.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-8-26

REFERENCES

1. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS. 2021. Information and Analytical Bulletin (INAB). Russian society in the context of the pandemic: a year later (the experience of sociological diagnostics). No. 2. 109 pp. DOI: 10.19181/INAB.2021.2 [In Russian]
2. Kuchenkova A. V. 2016. "Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models". RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies, no. 2 (4), pp. 118-127. Accessed 2 March 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochnuvstvie-i-subektivnoe-blagopoluchie-sootnoshenie-ponyatiy-i-sposobov-izmereniya> [In Russian]
3. Latova N. V. 2017. "Dynamics and factors of life satisfaction of Russians (1997-2017)". Sociological Studies, no. 12, pp. 65-78. DOI: 10.7868/S0132162517120078 [In Russian]
4. Davydenko V. A., Romashkina G. F. (eds.). 2018. New industrialization: opportunities, limitations and contradictions of the socio-cultural space: monograph. Tyumen: Tyumen Regional Duma. 226 pp. [In Russian]

5. Mau V. A. (ed.). 2020. Society and the pandemic: experience and lessons of fighting COVID-19 in Russia. Moscow: Analytical Center for the Government of the Russian Federation . 744 pp. [In Russian]
6. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2022. "Post-COVID: we suffer, but we are not treated. Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/postkovid-stradaem-no-ne-lechimsja> [In Russian]
7. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2022. 21 January. "The 'fifth wave' and how to deal with it? Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pjataja-volna-i-kak-s-nei-borotsja> [In Russian]
8. ConsultantPlus legal reference system. On temporary restriction of movement through automobile, railway, pedestrian, river and mixed checkpoints across the state border of the Russian Federation: Order of the Government of the Russian Federation of 27 March 2020 No. 763-r (ed. of 2 December 2021). Accessed 1 March 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348748 [In Russian]
9. Romashkina G. F., Khudyakova M. V. 2020. "Sociological analysis of human capital factors and resources". *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 13, no. 6, pp. 232-251. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.14 [In Russian]
10. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E., Byzov L. G., Drobizheva L. M. et al. 2017. *Russian Society and challenges of the time*. Book five. Edited by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves Mir. 427 pp. [In Russian]
11. Official website of the Law Agency JUS COGENS. Summary table of regulatory legal acts adopted in connection with the coronavirus pandemic. Accessed 9 February 2022. <https://jus-cogens.ru/novosti/svodnaja-tablica-normativno-pravovyh-aktov-prinjatyh-v-svjazi-s-pandemiej-koronavirusa/> [In Russian]
12. Simonovich N. E., Kiseleva I. A. 2013. "Economic, social and psychological security of modern society". *National Interests: Priorities and Security*, vol. 9, no. 45 (234), pp. 53-57. [In Russian]
13. Soboleva I. V. 2019. "Social well-being of entrepreneurs and employees in small business". *Sociological Studies*, no. 4, pp. 57-69. DOI: 10.31857/S013216250004586-7 [In Russian]
14. VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2021. 28 December. "Social well-being of Russians: monitoring. Analytical review". Accessed 13 March 2022. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-samochuvstvie-rossijan-monitoring> [In Russian]
15. Pavlova N. S., Nurutdinov A. A., Zulkarnayeva E. Z., Abramov N. R. 2021. "Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic in Russia". *Eurasian Law Journal*, no. № 4 (155), pp. 480-481. DOI 10.46320/2073-4506-2021-4-155-480-481 [In Russian]
16. Coronavirus Information Portal. "Coronavirus vaccination statistics in Russia and the world". Accessed 11 March 2022. <https://coronavirus-control.ru/statistika-vakcinaczii/> [In Russian]
17. Taleb N. 2012. *The black swan. Under the sign of unpredictability*. Translated from English by V. Sonkin et al. Moscow: KoLibri. 525 pp. [In Russian]
18. ConsultantPlus legal reference system. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 1 April 2020 No. 100-FZ.

- Accessed 1 March 2022. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349082/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ [In Russian]
19. Global website. World Health Organization. “Listings of WHO’s response to COVID-19”. Accessed 10 March 2022. <https://www.who.int/ru/news/item/29-06-2020-covidtimeline> [In Russian]
 20. Shklyaruk V. Ya. 2009. “Preservation of health as a factor of social well-being of production personnel”. *Sociological Studies*, no. 12, pp. 139-141. [In Russian]
 21. Shlychkov V. V. 2015. “‘Manual control’ as a manifestation of institutional crisis and deformation of the existing model of the Russian economy”. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 144-149. [In Russian]
 22. Shlychkov V. V., Bataykin P. A., Nestulaeva D. R. 2021. “‘Coronacrisis’ COVID-2019 as a source of new challenges and a catalyst for global socio-economic processes”. *Herald of Tver State University. Series: Economics and Management*, no. 2 (54), pp. 148-158. DOI: 10.26456/2219-1453/2021.2.148-158 [In Russian]
 23. Johns Hopkins University (JHU). COVID-19. Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE). Accessed 5 March 2022. <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>
 24. COVID-19 Data Repository by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. Novel Coronavirus (COVID-19) Cases, provided by JHU CSSE. Accessed 10 March 2022. <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>